

ходительности к проступку ближнего, подняла большой шум и распорядилась, чтобы любимыми средствами старого слугу заставили признаться в том, что он вез это письмо и собирался передать его Роландине. Они думали, что, увидев собранные воедино клочки письма, он уже не посмеет отпираться. Но, невзирая ни на какие доводы и доказательства, старик ни в чем не признался. Тогда стражи свели его на берег реки и посадили в мешок, сказав, что, не признав того, что действительно было, он солгал и богу и королеве. Но верный слуга был согласен скорее умереть, чем выдать своего господина, и попросил, чтобы к нему вызвали духовника. И после того как тот исповедовал его и старик покаялся во всем, в чем был грешен, он сказал:

– Скажите господину моему, что я вручаю ему жизнь моей жены и моих детей, свою же я со спокойной совестью кладу за него. А теперь делайте со мной все, что хотите, я все равно не скажу ни слова против моего господина.

Тогда, чтобы еще больше его напугать, его кинули в мешке прямо в реку, продолжая кричать:

– Скажи всю правду – и жизнь твоя спасена!

Но, не получив от него и на этот раз никакого ответа, истязатели вытащили его из воды и доложили о его стойкости королеве. Тогда та сказала, что ни супругу ее, королю, ни ей самой не выпало счастья иметь таких верных слуг и что счастье это досталось тому, кто ничем не может за эту верность вознаградить. И она сделала все, что было в ее силах, чтобы переманить старого слугу к себе на службу, но тот ни за что не соглашался покинуть своего господина. Однако в конце концов бастард все же его отпустил, он поступил на службу к королеве и прожил остаток своих дней в покое и счастье.

Узнав из этого письма о том, что влюбленные стали мужем и женой, королева послала за Роландиной и вне себя от гнева стала позорить ее, называя ее не «моя кузина», как прежде, а «негодница», и всякий раз пеняя ей, что она осрамила свою семью и родных тем, что втайне от всех вышла замуж, больше же всего оскорбила этим ее, свою госпожу, не испросив на это ее согласия. Но Роландина давно уже знала о неприязни к ней королевы и сама отвечала ей тем же. А раз у нее не было к ней любви, то не могло быть и страха. К тому же она была уверена, что, выговаривая ей в присутствии других, королева делает это не из любви к ней, а лишь из желания перед всеми ее опозорить и гораздо больше радуется возможности публично ее унижить, чем огорчается, узнав о ее падении. Поэтому Роландина отвечала своей госпоже с веселым лицом и слова ее были тверды; королева же была и смущена и разгневана.

– Ваше величество, если бы вы сами не знали, что творится у вас в сердце, я бы напомнила вам, какую неприязнь вы питали к моему отцу и ко мне. Но вы настолько хорошо это знаете, что для вас не должно быть неожиданностью и то, что ото всех остальных ваше отношение к нам никак не укрылось. Что же до меня, ваше величество, то я заметила это себе на горе. Ведь если бы вы были благосклонны ко мне, как к другим, которые не состоят ни в каком родстве с вами, я давно бы была уже замужем, к чести своей и вашей. Но вы отказали мне в этой милости, и все хорошие партии, которые мне предлагались, прошли мимо меня из-за нерадивости моего отца и из-за того, что вы не хотели отнестись ко мне благосклонно. От всего этого я впала в такое отчаяние, что, если бы только здоровье мое позволило мне вынести все тяготы монашеской жизни, я с величайшей радостью удалилась бы в монастырь, лишь бы избавить себя от всех жестоких мучений, которые вы столько времени мне причиняли. И вот, когда я была в полном отчаянии, мне повстречался дворянин, который происхождением своим был бы не менее благороден, чем я, если бы только в свете не делали разницы между любовью и узаконенным браком, – вы ведь знаете, что его отец еще более знатен, чем мой. А вы, ваше величество, за всю жизнь не простили мне ничтожнейшего проступка, вы считали, что я не способна ни на что хорошее и не заслужила ни в чем вашей похвалы, но вы же отлично могли убедиться сами, что я сторонилась любви и чуждалась всего мирского и что я вела жизнь скромную и благочестивую. И вам показалось странным, что я вдруг заговорила с человеком, столь же несчастным в этой жизни, как и я, в чьей дружбе я искала лишь одного – утешения в моем горе, ибо в мыслях моих другого ничего не было. И когда я увидела, что меня лишают этой последней радости, отчаяние мое было так велико, что, хотя вы и пытались отнять у меня покой и счастье, я решила за них бороться. И тогда мы с ним стали говорить о том, чтобы пожениться, и обручились, обменявшись кольцами. Вот почему мне кажется, ваше величество, что, называя меня негодницей, вы крайне ко мне несправедливы. Ведь наша с ним дружба была так велика, и столько раз мне представлялся случай быть с ним ласковее и ближе, – и не-